

Сафронова Алевтина Михайловна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

e-mail: Alevtina.Safronova@gmail.com

ПРОШЕНИЯ ССЫЛЬНЫХ О ПРИЕМЕ НА ДОЛЖНОСТЬ УЧИТЕЛЯ В ГОРНОЗАВОДСКИЕ ШКОЛЫ УРАЛА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Аннотация: Характеризуется ситуация, сложившаяся на горнозаводском Урале, позволившая ссыльным обращаться с просьбами о приеме учителем; мотивы, которыми они руководствовались; раскрывается информация, приводившаяся в справках о причинах их ссылки; отношение горной администрации к этим просьбам.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, прошения, ссыльные, учителя, горнозаводские словесные школы

Safronova Alevtina Mikhaelovna, doctor of historical sciences, professor, professor of department of document management, archive science and history of a state administration, Ural federal university of a name of the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

e-mail: Alevtina.Safronova@gmail.com

APPLICATIONS OF THE EXILES FOR THE RECEPTION ON THE ADMISSION TO THE TEACHER'S OF THE MINING SCHOOLS OF THE URAL ON THE FIRST HALF OF XVIII CENTURY

Abstract: The situation in the mining Ural is characterized, which allowed the exiles to apply for admission to the teacher's position; motives with which they were guided; the information given in the information on the reasons for their exile; the attitude of the mountain administration to these requests.

Keywords: V.N. Tatishchev, petitions, exiles, teachers, mining schools of verbal schools

Горнозаводские школы Урала являлись одним из крупнейших видов ведомственных школ Российской империи XVIII в. Они сыграли выдающуюся роль в подготовке молодежи, владеющей грамотой, основами математики, черчения, рисования, немецкого языка, из числа которых были подготовлены сотни квалифицированных кадров, необходимых для развития заводского производства на территории Урала и Сибири.

В условиях отдаленности от центра на тысячи верст и крайне острой нужды в людях для заполнения мест в многочисленных конторах и на заводских должностях; частых отказах руководства центральных органов управления выслать выпускников столичных учебных заведений, а властей Сибирской губернии – даже ссыльных для использования в качестве учителей грамоты, большой проблемой было найти незанятых людей на место учителя даже словесных школ. Если в начале 1720-х гг. основным источником формирования корпуса учителей словесных школ являлись церковнослужители, то с 1735 г., когда по инициативе нового начальника заводов В. Н. Татищева школы должны были открываться при всех казенных заводах, основным источником комплектования учителей грамоты стали ссыльные и отставные от дел пожилые люди. По нашим данным ссыльные обучали грамоте в 10 словесных школах при заводах, причем в Екатеринбургской с 1734 по 1750 г. из 11 учителей 8 являлись ссыльными [Сафронова 2014: 292-293 298-300, 302-305].

Первые определения Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов о назначении ссыльнопоселенцев на должность учителей

словесных школ были приняты 27 мая, 23 октября и 3 ноября 1735 г. Члену Канцелярии, главному межевщику Игнатию Юдину, отвечавшему за деятельность школ, поручалось выбрать учителей «за недостатком способных, хотя из ссыльных, токмо не раскольников» [2, л. 514]. Согласно справки, составленной делопроизводителями Канцелярии в мае 1735 г., «при Екатеринбургe в поселении ссыльных грамотных и письмоумеющих» имелось 12 человек и «из вечных в работу» – 8, приводились фамилии всех 20 владеющих грамотой [3, л. 160-161 об.]. 3 ноября 1735 г. в Екатеринбургскую словесную школу разом было назначено трое ссыльных: Арсений Иевлев, Логин Егоров, Никита Артемьев [Сафронова 2014: 292].

28 июля 1736 г. Арсений Иевлев бежал [2, л. 431-432]. И ссыльные, желающие занять вакантное место, друг за другом начали подавать прошения в Канцелярию Главного заводов правления. Просьбы о назначении на должность учителя подавались начальству в форме доношений, но поскольку эти документы содержали личные просьбы, имели просительный характер, мы называем их прошениями, чтобы выделить из многочисленного комплекса доношений, имевших чисто информационный характер.

Первым подал прошение «присыльной» Иван Иванов. 30 июля 1736 г. он сообщил, что в 1734 г. по его делу были сысканы виновные, «а я живу с того времени праздно, и помираю голодом, токмо питаюсь мирским подаянием», просил, «для ...многолетнего здравия, за правое мое доказательство» определить учителем Екатеринбургской школы, «понеже я словесному учению и знаменному нотному пению умеющей, дабы мне праздно не быть и голодом не помереть» [2, л. 298-298 об.]. Для него путь в учителя был единственной возможностью получить постоянный источник пропитания, поскольку учителя грамоты полагалось 18-рублевое годовое жалованье.

5 августа 1736 г. обратился с прошением Семен Иванов. Он сообщил, что прислан из Пензенской провинциальной канцелярии в ссылку в Екатеринбург в «нынешнем» году, определен в заводские работы, а 14 июля отправлен «в ревизию свидетельства прешедших годов щетов в экспедицию секретаря

Ключарева для письма всяких дел». Он указывает повод подачи просьбы: учитель «Арсетей» «неведомо куда бежал, а на место ево еще никто не определен, а я, нижеименованны[й], по обыкности прежняго своего поповского чина ко обучению детей словесному, чтению и письма и пению охоту имею немалую и летами еще в старость глубочайшую не пришел, и оное дело снести могу» [2, л. 299-299 об.].

7 августа 1736 г. поступила кратко изложенная просьба от Степана Баранова, пожелавшего быть учителем вместо «убеглого» Арсения Иевлева» с окладом 18 руб. Подписался он как «поселенной здесь в Екатеринбургхе». [2, л. 300].

В связи с подачей этих прошений в Канцелярии были наведены справки, констатировалось, что требуется три человека на учительское место: в Екатеринбургскую школу вместо беглого, на Полевской завод вместо умершего, на Верх-Исетский завод, где должна открываться школа, и имеются трое желающих [2, л. 301].

Согласно выпискам, распоп Иван Иванов был прислан из Тобольска в 1731 г., «о винах» показано: дважды наказан плетью за то, что назвал изменником лейб-гвардии капрала и за ложный донос на подьячего канцелярии Синода «о важных словах»; «в той же канцелярии в Синоде стал утверждаться с противностию, за что лишен священства»; «за ложное сказывание ”слова и дела” бит кнутом, он же назывался и писался по рострижении попом», за что сослан на заводы на поселение, но в 1733 г. оказалось, что он был прав, а виновные по его доносу наказаны [2, л. 301 об.].

О распопе Семене Иванове показано: прислан 1 апреля 1736 г. из Тобольска, туда отправлен из Пензенской провинции «за сказывание им за собою е. и. в. секретного дела», о наказании не упомянуто. По осмотру оказалось: «наказан кнутом, в вечную работу определен» [2, л. 301 об.].

В отношении Баранова обвинения оказались серьезные: в 1723 г. за дачу воровского паспорта был публично наказан батожем, бит кнутом; в 1728 г. вновь за дачу паспорта и подпись за судью пытан дважды, быв на Полевском

заводе писчиком, не приняв руду, записал в приход, за что в 1729 г. вместо смерти бит кнутом и отправлен в ссылку в низовые сибирские города; в 1734 г. «за ложное им показание в Тайной канцелярии о некотором деле здесь наказан кнутом и определен быть здесь с протчими ссыльными» [2, л. 302].

Если Ивановых главному межевщику Юдину приказывалось «освидетельствовать», то Баранову «для многих ево продерзостей» в месте учителя было отказано [2, л. 302 об.]. По «освидетельствованию» Семен Иванов оказался «читать книг и писать искусен, и еще не стар», годен учительствовать в Екатеринбургской школе, а Иван Иванов – в Верх-Исетской [2, л. 304– 304 об.]. 27 августа 1736 г. о назначении их распорядилось начальство, одновременно на Алапаевский завод был назначен ссыльный Яков Беляев [4, с. 256–257].

Пока вопрос еще не был решен окончательно, 21 августа 1736 г. поступило прошение от ссыльного, определенного в «вечную работу», Ивана Прокопьева. Он сообщал, что в мае 1734 г. прислан из Тобольской губернской канцелярии в Екатеринбург в работы, «поныне обретаюсь при Екатеринбургхе у письма в разных канторах, а напредь сего до показанной присылке в доме своем я, нижайший, обучал малолетних детей словесной грамоте, також и у тех малолетних, ежели у кого часословы и псалтири пообьютца листы, и те побитые листы и выданные речи, також и целые листы полууставом подписывал». Прокопьев просил «для обучения и подписки вышеозначенных полууставом книг меня, нижайшего, определить в Екатеринбургскую словесную школу» [2, л. 512-512 об.]. К сожалению, неизвестно, в каком населенном пункте обучал Прокопьев детей. Представляют интерес и сведения о специализации отдельных лиц на восстановлении текста учебных книг за особую плату, подтверждающие распространенную в те времена практику, – учебные книги являлись семейной ценностью, проходили через многие руки, и требовали починки.

26 августа 1736 г. подал прошение Иван Лукин. О себе сообщил коротко: прислан в Екатеринбург в ссылку из Москвы, нахожусь в заводских работах.

Он подробно изложил причины подачи прошения: «а ныне из нашей братии определяются по заводам в словесные школы в учителя, а я поповского чина, ко обучению детей словесному чтению и письма, и пеню охоту имею немалую, и оное дело снести могу». Лукин просил его «на которой завод определить» с жалованьем, т. е. выражал готовность обучать детей в любой заводской школе, где потребуется учитель [2, л. 513].

Через два дня, 28 августа, поступило прошение от ссыльного Ивана Максимова, присланного на поселение в 1731 г. из Тобольской губернской канцелярии. В этом прошении содержится ценная информация о том, что Максимов, не определенный к делам, открыл в Екатеринбурге частную школу, нашел желающих: «обретаюсь здесь за старостию не у дела, токмо обучаю здешних обывателей вольных словесной грамоте и писать по договору родителей их». Т.е. параллельно с заводской казенной школой, где дети обучались бесплатно, на казенных книгах, находились лица, желающие обучать детей за плату частным образом. Но, видимо, желающих было не так много, а работа в заводской школе давала постоянный источник содержания, поэтому Максимов просил определить его в словесную школу, «где надлежит», как и Лукин [2, л. 514].

Отметим, что просители не приводили сведения о своих «винах», лишь отмечали факт оправдания по делу, если это имело место. Поэтому особую ценность для нас приобретает содержание делопроизводственных справок, составлявшихся по авторам прошений, служащими Канцелярии. Они кратки, порой нечетко отражают существо проступка. Так, Прокопьев оказался осужден «за написание воровского прокормежного письма беглым крестьяном и в подписке под руки, которой послан был Военной коллегии в кантору для написания в службу, и в той канторе не принят, для того что ... оной роспоп за подозрением в службу был негоден, в вечную работу наказание учинено, бит кнутом». Распоп Лукин прислан в Екатеринбург 29 апреля 1736 г., был на поселении в селе Ваганово вотчины Троице-Сергиева монастыря во Владимирском уезде, вины его в сопроводительных документах не показано.

Максимов, присланный из Тобольска, представлен как «оставшей за штатом подканцелярист..., за вынос из коллегии вершенных и не вершенных 57 дел и за держание при себе неведомо для чего, ноздри вырезаны» [2, л. 515 об.].

Поскольку еще 8 мая 1736 г. из Полевской заводской конторы требовали прислать учителя вместо умершего, который мог бы во время пения и в церкви «за дьячка отправлять», 6 сентября уральская Канцелярия приняла решение: «из оных просителей быть в учителях на Полевском заводе распопу Лукину», на 5-й день он сказкой показал, что «за собою расколу никакова не имеет». 12 сентября его отправили на завод вместе с указом о назначении [2, л. 515–518 об.].

В январе 1737 г. подал прошение о приеме учителем чтения, письма и пения в Екатеринбургскую школу или школу при другом заводе ссыльный Феофилакт Митенев, мотивируя тем, что «я тому заобычен». Он единственный сообщил о своем проступке и учреждении, где служил: в бытность в Военной канцелярии в Москве у прихода и расхода денег в 1711 г. за утрату денежной казны, 1862 руб. 42 коп., «которые в казну паки возвращены», по указу Военной коллегии «послан я из Москвы в Сибирь на вечное житье», в сентябре 1736 г. привезен с прочими ссыльными в Екатеринбург. «И ныне скитаюсь ни у какого дела». Поскольку Митенев подписал документ как «ссыльный, бывшей монах», по-видимому, до Военной канцелярии он служил в монастыре [5, с. 45].

Митеневу предписывалось «обождать» известия с других заводов о нужде в учителях. В мае 1737 г. умер учитель пения Екатеринбургской словесной школы, ссыльный Семен Иванов, назначенный в августе 1736 г. по прошению, и его место было отдано Митеневу, находившемуся в это время у письма при строительстве пильной мельницы на реке Кунгурке. 10 июня 1737 г. Митенев приступил к занятиям и вывел обучение нотному пению в Екатеринбурге на высочайший уровень [см.: 5, с. 497–498, 508; Сафронова 2009: 53–68].

В январе 1737 г. просил об определении учителем в Сысертскую школу ссыльный, бывший протопоп Григорий Демидов, как только узнал, что тамошний учитель Герасим Попов прислан под караулом в Екатеринбург [7, с.

232]. Согласно справкам, приведенным впоследствии, выясняется, что Попов был взят под караул в Сысертской конторе по подозрению в краже денег в местной церкви 2 декабря 1736 г., выслан в Екатеринбург, но его оправдали, и 31 мая 1737 г. он возвратился в Сысерть. К обучению же школьников временно был определен ссыльный, присланный на поселение, Степан Петров с поденной платой по плакату. Он и обучал школьников в течение 6 месяцев [8, с. 162–164]. Но прошение Григория Демидова сыграло свою роль: 18 марта 1737 г. он был назначен учителем в Егосихинскую словесную школу на освободившееся место [5, с. 335–336].

В декабре 1738 г. подал прошение об определении учителем в Кушвинскую заводскую контору ссыльный Василий Васильев, и контора передала его содержание в своем доношении в уральскую канцелярию. Васильев – из определенных в вечную работу, прислан на Кушву в июле 1737 г. при указе Канцелярии на строительство завода, но правую ногу ему переломило молотом, и по указу начальства с февраля 1737 г. он числится больным, получает на пропитание по пуду ржаной муки в месяц, «в пропитании имеет немалую нужду, а при Кушвинском заводе у обывателей имеетца малолетные дети, которых желает он словесной грамоте обучать, для которого обучения и присланы книги, и просил, чтоб показанных малолетных детей к обучению грамоте ево допустить, и от того б себе пропитание возыметь» [9, с. 174].

Судя по выпискам Канцелярии, прошение Васильева подтолкнуло решение вопроса об открытии школы при Кушвинском заводе. Еще 10 февраля 1737 г. контора уведомила Канцелярию о наличии при заводе детей старше 7 лет и запросила, не прислать ли их в школу в Екатеринбург [9, с. 169]. Только 31 декабря 1737 г. уральское начальство запросило «ропись» этих детей. Оказалось, что переведенные с Елизаветинского (Верхне-Уктусского) завода дети молотовых мастеров, подмастерьев и работников, обучавшиеся в Уктусской школе, «ныне обретаются у отцов своих при Туринском заводе и живут втуне», их 5 человек (Верхне-Туринский завод начал действовать с

1736 г., находился в 10 км от Кушвинского). При строящемся Кушвинском заводе имелось четверо детей (горного мастера, горного работника и ученика 16, 9 и 6 лет) [10, л. 57- 57 об.]. 25 февраля 1738 г. уральское начальство предписало собрать всех восьмерых детей, кроме 16-летнего, в школу при Кушвинском заводе, обучать тамошнему попу и послать книги [10, л. 58-58 об.]. В ходе переписки выяснилось, что поп на Кушву еще не определен, прошение Васильева оказалось к месту, он был вызван в Екатеринбург для освидетельствования своих познаний в грамоте, и указом Канцелярии от 23 февраля 1739 г. получил место учителя [11, с. 353].

Поскольку по штатному расписанию 1737 г. намечалось открытие школ при Синячихинском и новых Северском, Юговском, Висимском, строящихся Сусанском, Сылвинском, Туринском, Кушвинском заводах, потребность в учителях грамоты должна была резко возрасти [Сафронова 2015: 83]. Поэтому В. Н. Татищев 4 февраля 1737 г. передал промеморию сибирскому губернатору П. И. Бутурлину: «Потребно для школ на заводе е. и. в. грамоте и письму умеющие человек до шести в учителя, и ежели оные из [с]сылных есть, хотя написаны в Оходск, токмо б не по секретным делам, оных благоволено б было для определения на те заводы в Екатеринбург отправить» [13, л. 332 об.–333]. Но в присылке ссыльных было отказано.

Таким образом, в условиях острой нужды в грамотных людях для занятия должности учителей словесных школ и поставленной В. Н. Татищевым задачи открытия школ при всех казенных заводах, уральское начальство само разрешило принимать в качестве учителей грамоты ссыльных и тем самым вызвало к жизни появление целого ряда прошений с их стороны. Данные об авторах свидетельствуют, что среди них были бывшие протопопы, попы, служащие контор, хорошо владевшие грамотой, находились и лица, способные обучать школьников нотному пению. Для некоторых ссыльных должность учителя являлась единственной возможностью получить постоянный источник содержания, для других – возможностью улучшить свое положение за счет получения постоянного жалованья. Для всех ссыльных должность учителя

открывала путь к повышению своего статуса в глазах не только товарищей по ссылке, но и заводского населения. Уральское начальство при удовлетворении просьб ссыльных пристальное внимание обращало на совершенные ими проступки и отсутствие приверженности к расколу.

Список источников:

1. Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014..–334 с.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 624.
3. Там же. Д. 577а.
4. Там же. Оп. 12. Д. 235.
5. Там же. Оп. 1. Д. 692.
6. Сафронова А. М. Первая школа пения на горнозаводском Урале и ее книжное собрание (1735 – 1740-е) // Документ. Архив. История. Современность: Сб.науч.тр. Вып. 10. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 51-68.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 240.
8. Там же. Оп. 1. Д. 691.
9. Там же. Д. 820.
10. Там же. Д. 760.
11. Там же. Оп. 12. Д. 265.
12. Сафронова А. М. Роль В. Н. Татищева в распространении детской грамотности на казенных заводах Урала в 20-е и 30-е гг. XVIII в. // Одиннадцатые Татищевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18-19 нояб. 2015 г.). – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2015. – С. 82–89.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 22. Д. 1536.